

ЯКОВ СОЛОМОНОВИЧ МЕДЛИН

Из воспоминаний В. М. Миненко

В бытность мою студентом Томского музучилища Яков Соломонович Медлин был весьма старым человеком, но это был очень крепкий старик с львиной гривой волос под Антона Рубинштейна. Да, надо сказать, что в их облике было что-то общее, хотя по характеру он был полной противоположностью последнего. Если Рубинштейн был натурой неукротимой, то Медлин был человеком мягким, добродушным, хотя ему всегда хотелось походить на великого музыканта и он, забываясь, пытался напустить на себя не свойственную ему внешнюю суровость. Это был человек очень чуткий и отзывчивый к чужим невзгодам и печалям. Он всегда помогал студентам, когда они попадали в беду. Моя будущая жена, в ту пору еще не знакомая мне, дошла до обмороков и упала во время занятий от голода. Яков Соломонович немедленно ей помог и повышенной стипендией, и талонами в столовую, и страшно огорчился, что она ни разу не сказала ему о своем бедственном положении. Он помогал всем, кто нуждался.

До глубокой старости он сохранил интерес к жизни, к делу, был хорошим педагогом по скрипке и, несмотря на преклонный возраст, сам хорошо играл. У него было много талантливых учеников: Смолин, Бузиков (он в 18-ти летнем возрасте был репрессирован как «враг народа» и погиб в лагере в Воркуте), и многие другие. Между прочим, Яков Соломонович очень любил учить девушек. Не думайте, что это был старческий маразм. Отнюдь нет! Это была любовь старого человека, готовящегося уйти в небытие, к молодости, к жизни. А, между прочим, красота этой прекрасной, полнокровной жизни ярче всего проявляется в юной девушке, будущей матери всего живущего. Отсюда, видимо, и его любовь к молодым женщинам. Кстати: он до глубокой старости пользовался благосклонным вниманием женщин...

Известен был Медлин и как музыкальный просветитель. В молодости он очень часто выступал с сольными концертами. Я помню, что видел одну из афиш благотворительного концерта, кажется, за 1912 год, в которой было сказано, что такого-то числа в помещении театра состоится благотворительный концерт «при благосклонном участии г-на Якова Соломоновича Медлина». Он играл в различных ансамблях и был концертмейстером оркестра. Как концертмейстер оркестра Медлин выступал в

середине 30-х годов и очень любил дирижировать. Музыка он знал хорошо и, кстати, дирижировал неплохо, во всяком случае, не хуже многих современных выпускников дирижерского факультета консерваторий. Фигура у него была импозантная: высокий, статный, красивый старик, с львиной, пышной гривой непокорных волос, с энергичными жестами, он очень импонировал публике, и она его любила. Концерты под его управлением посещались охотно.

Я, из-за отсутствия преподавателя по тромбону, некоторое время занимался у Якова Соломоновича по специальности. И хотя наши специальности были далекими, занятия у него мне дали много. Прежде всего он требовал точного и грамотного исполнения музыкального текста произведения или этюда, точного интонирования, осмысления фразировки, правильной нюансировки и, наконец, понимания и чувства формы исполняемого сочинения. Кроме того, Медлин требовал многочасовых и рациональных занятий. Все это мне дало возможность по тромбону значительно раньше срока закончить училище. Меня перевели на теоретическое отделение и оставили преподавателем тромбона. Уроки у Я. С. Медлина всегда проходили очень интересно, с многочисленными примерами из музыкальных произведений и экскурсами в историю исполнительства. Яков Соломонович весьма поощрял, а точнее, требовал посещения концертов гастролирующих в городе всевозможных ансамблей, а в летнее время — оперных коллективов, потому что он считал такие посещения серьезной профессиональной учебой.

Талантливых студентов Яков Соломонович всегда ценил, даже от призыва в армию задерживал, оставлял их повторно на курсе, пока они не поступят в консерваторию. Но когда студент пользовался этим и начинал небрежно относиться к делу, возмущению Медлина не было предела. Вспоминается случай с кларнетистом Аркадием Казанцевым, позднее окончивший Свердловскую консерваторию. Было это в начале 1937 года в бытность Медлиным директором ТМУ. Однажды должен был состояться концерт симфонического оркестра в Доме Красной Армии, в программу которого входили произведения Бетховена: увертюры «Эгмонт», «Леонора N 3», «Кариолан», финал 5-й симфонии и еще что-то. Вступительное слово и комментарии читала директор научной библиотеки университета. Казанцев по какой-то причине опаздывал, оркестр сидел на сцене, лектор читала вступительное слово, а первого кларнетиста нет. Гневу и негодованию Якова Соломоновича не было границ! Как все очень добрые люди, он бушевал шумно и страстно, кричал в адрес злополучного кларнетиста: «В солдаты сдам! Скиф! Стакановец! Бездельник», —

и прочие эпитеты сыпались на голову отсутствующего Казанцева. К счастью, он успел к началу выступления оркестра, объяснив свое невольное опоздание. Яков Соломонович мгновенно преобразился, как будто и не было бурной сцены. Он сразу же сменил гнев на милость, еще и посочувствовал студенту. Таков он был во всем: страстный, горячий, порывистый, беспредельно добрый и чуткий.

На репетициях Медлин был таким же порывистым и горячим, как и на концертах. Репетиции он проводил бурно: никак не мог смириться с тем, что некоторые студенты приходили плохо подготовленными и не знали своих партий. В этих случаях он громовым голосом кричал, обращаясь к нерадивым: «Стакановцы! Скифы!»

Это были излюбленные его эпитеты. Вероятно, за этих «стакановцев» он и пострадал. Тогда весьма распространено было так называемое «движение стахановцев», и вдруг такое кощунственное искажение этого «святого» слова! В ту пору достаточно было какому-либо подлецу брякнуть в соответствующие инстанции и судьба человека решалась безвозвратно.

Я. С. Медлин был евреем, но крещеным, а потому в дореволюционные годы не подвергался никаким гонениям. Человеком он был свободным от мерзостного местечкового духа, который характерен для многих евреев. Это по духу и воспитанию была истинно широкая русская натура. Кстати: евреи дали Христа и Иуду. Так вот Медлин был ближе к первому.

Слово «НКВД» повергало Медлина в ужас. В 1937 году он был репрессирован, в 1944 — умер в Томской тюрьме. (Ред.-Медлин был расстрелян в 1937 году.) После 1956 года — реабилитирован.

Между прочим, это был любопытный «враг народа»: всю жизнь он стремился делать людям добро, даже тем, которые этого не заслуживали.